

М. З. ЛЕВИНА (Саранск)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОКШАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ)

Abstract. Geolinguistic Data in the Description of the Grammatical Category of Nominal Number (based on Moksha dialects)

The article contributes to the grammatical description of nominal categories in Mokshan dialects, where the implementation of plural affixes differs from that of the literary language. The study involves an analysis of Mokshan nominal plural forms in geolinguistic insight and the identification of patterns associated with phonetic changes in the structure of affixes. The importance of the problem is determined by the need to represent the originality of the Mordovian languages and the disappearance of a number of dialects.

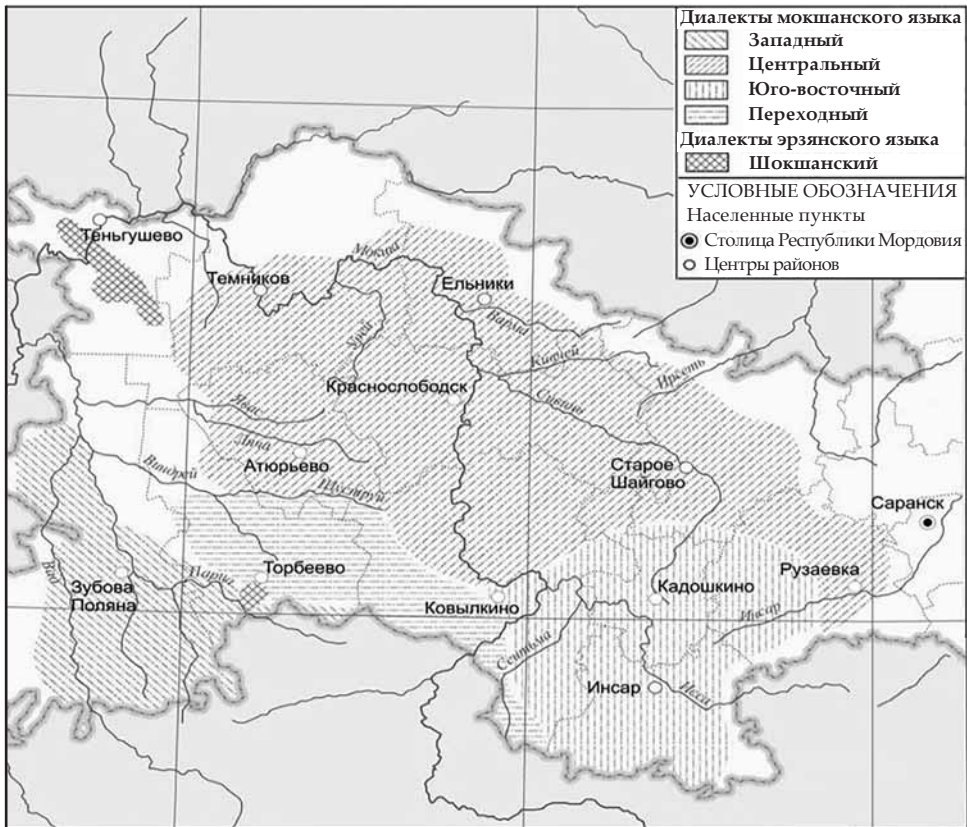
Keywords: Moksha dialects, geographical distribution, nominal categories, grammatical features, number.

Введение

В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках грамматическая категория числа существительного выражается противопоставлением единственного и множественного числа. Существительные без формальных показателей множественного числа рассматриваются как немаркированная форма в отношении количества, так как для уральского праязыка было характерно использование абсолютного числа (абсолютива), обычно совпадающего с основой существительного: *ava* 'женщина', *vel'e(ə)/vil'e(ə)* 'село', *modamaŋ/maŋ* 'картофель', *l'äj/l'ej* 'река', *viŋ/viŋ'e(ə)* 'лес'. Множественное же число как маркированный член бинарной оппозиции «единственное — множественное» выражает множественность в разных аспектах. Расчлененность — раздельное множество предметов — основная семантическая особенность этой категории. По мнению Д. В. Цыганкина, понятие множественности шире, чем понятие множественного числа: форма последнего как грамматическое явление не охватывает все значения множественности (2000 : 7). Суффиксальный способ выражения множественности, как отмечает Д. В. Бубрих (1975), возник позже. Например, на прибалтийско-финской и мордовской почве *-t*-овое образование множественного числа появилось в плане согласования подлежащего со сказуемым.

Грамматическая категория числа имени существительного

В мокшанском диалектном ареале (см. карту 1) есть три морфологических показателя множественного числа: *-t/-t'*, *-n*, *-k*, причем каждый имеет свою область применения: *-t/-t'* употребляется в номинативе неопределенного склонения и как составная часть парадигмы определенного склонения в целом — *-t'á/-t'á* (Левина 2015 : 106); *-n*, *-k* — лишь в притяжательном склонении. Чаще всего суффиксы множественного числа присоединяются к существительным, обозначающим дискретные предметы, обладающие четкой формой и точными пределами, в отличие от вещественных субстанций. В неопределенном склонении агглютинация суффиксов *-t/-t'* зависит от конечного звука основы слова.

Карта 1. Распространение диалектов мокшанского языка (Левина 2015 : 105).

Во многих мокшанских говорах и диалектах маркер множественного числа *-t* агглютинирует к основе на любой гласный (*i* — только в односложных словах) или непалатализованный согласный. Примеры: *vel'e(ə)* 'село' — зап. *vel'ə-t*, атр. *vel'ə-t*, мокш. лит. *vel'ə-t* 'сёла'; *ki* 'дорога' — зап. *ki-t*, атр. *ki-t*, перех. *ki-t*, мокш. лит. *ki-t* 'дороги'; *kud* 'дом' — зап. *kut-t*, атр. *kut-t*, юго-вост. *kut-t*, мокш. лит. *kut-t* 'дома'; *ərdaz* 'грязь' — зап. *ərdas-t*, атр. *urdas-t*, юго-вост. *ərdas-t*, мокш. лит. *ərdas-t* 'грязь (во мн. ч.)' (табл. 1—4).

Образование форм множественного числа неопределенного склонения

Таблица 1

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	<i>kud</i>	<i>kud</i>	<i>kud</i>	<i>kud</i>	<i>kud</i>	<i>kud</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>kut-t</i> 'дома'	<i>-t</i> <i>kut-t</i>	<i>-t</i> <i>kut-t</i>	<i>-t</i> <i>kut-t</i>	<i>-t</i> <i>kut-t</i>	<i>-t</i> <i>kut-t/</i> <i>kud-o-t</i>	<i>-t</i> <i>kut-t</i>

Таблица 2

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
гласный <i>a, ä</i> : <i>ava</i> 'женщина' <i>al'ä</i> 'мужчина'	<i>a</i> <i>ä/e</i>	<i>a</i> <i>ä/e</i>	<i>a</i> <i>e</i>	<i>a</i> <i>ä/e</i>	<i>a</i> <i>ä/e</i>	<i>a</i> <i>ä</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>ava-t</i> 'женщина' <i>al'a-t</i> 'мужчина'	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>	<i>-t</i> <i>ava-t</i> <i>al'a-t</i>

Таблица 3

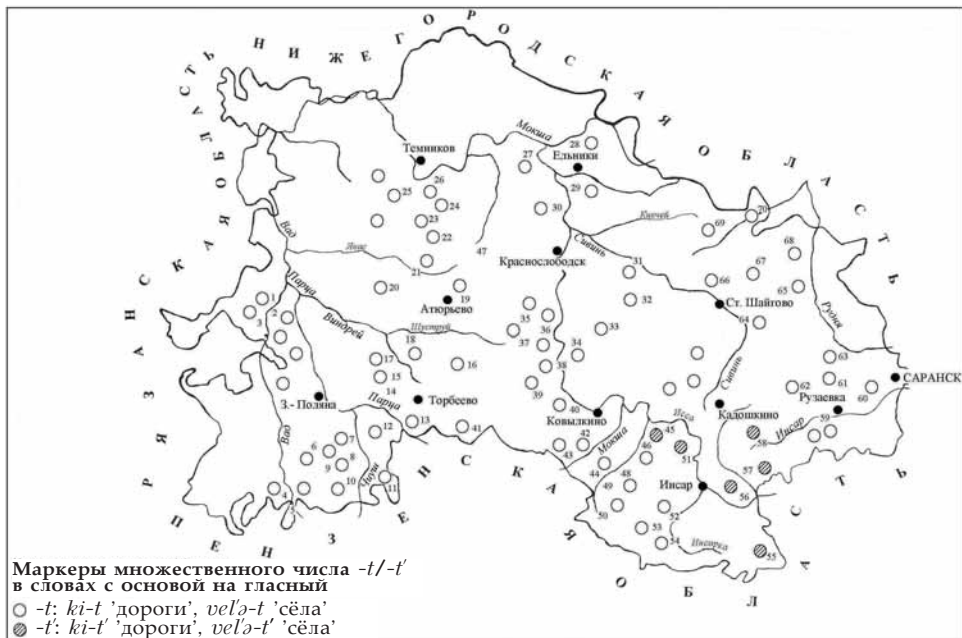
Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
гласный <i>ə</i> : <i>vel'ə/vel'e</i> 'село'	<i>ə</i>	<i>ə/e</i>	<i>e</i>	<i>ə/e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>vel'ə-t</i> 'сёла'	<i>-t</i> <i>vel'ə-t</i>	<i>-t</i> <i>vel'ə-t</i>	<i>-t'</i> <i>vel'ə-t'</i>	<i>-t</i> <i>vel'ə-t</i>	<i>-t</i> <i>vel'ə-t</i>	<i>-t</i> <i>vel'ə-t</i>

Анализ материала показывает, что в говорах юго-восточного диалекта для основ на *ə* характерна палатализация аффикса множественного числа, что зависит от палатальности последнего согласного основы: *vel'e* 'село' — юго-вост. *vil'ə-t'*, мокш. лит. *vel'ə-t*, эрз. *vel'e-t'* 'сёла' (см. табл. 3). В этих говорах отмечены случаи, когда формант множественности *-t'* агглютинирует и к основам на гласный *i* в односложных словах, как и в эрзянском языке, что является следствием сингармонизма гласных: если в основе гласный переднего ряда, то присоединяется палатализованный аффикс множественного числа, что не характерно для данных форм. Примеры: *ki* 'дорога' — юго-вост. *ki-t'*, мокш. лит. *ki-t*, эрз. *ki-t'* 'дороги' (Левина 2008 : 37), см. табл. 4 и карту 2.

Данное явление в исследуемом ареале охватывает и формы аблатива: юго-вост. *val'ma-da*, *kut-ta*, *leš-ta*, но *vir'-de*, *vit'-te*, *mit'-te*, *vil'ə-de*, *mar'-de*; мокш. лит. *val'ma-da* '(от) окна', *kut-ta* '(от) дома', *leš-ta* '(от) инея', *vir'-da*

Таблица 4

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
гласный <i>i</i> в односложных словах: <i>ki</i> 'дорога' <i>kši</i> 'хлеб'	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>ki-t/ki-t'</i> 'дороги'	<i>-t</i>	<i>-t</i>	<i>-t/-t'</i>	<i>-t</i>	<i>-t</i>	<i>-t</i>
<i>kši-t/kši-t'</i> 'хлеба'	<i>ki-t</i>	<i>ki-t</i>	<i>ki-t/ki-t'</i>	<i>ki-t</i>	<i>ki-t</i>	<i>ki-t</i>
	<i>kši-t</i>	<i>kši-t</i>	<i>kši-t/kši-t'</i>	<i>kši-t</i>	<i>kši-t</i>	<i>kši-t</i>

Карта 2. Распространение маркера множественного числа *-t/-t'* в словах с основой на гласный.

'(от) леса', *vet'ta* '(от) воды', *met-ta* '(от) меда', *vel'a-da* '(от) села', *ma'-da* '(от) яблока'; ср. эрз. *kal-do* '(от) рыбы', но *vir-d'e* '(от) леса', *met-t'e* '(от) меда', *šet-t'e* '(от) моста'; формы абессива, где наблюдается четкая раздвоенность падежных форм с формантами *-ftama/-ftame*, которая подчиняется сингармонизму гласных: юго-вост. *kut-ftama* 'без дома; без домов', *salf-tama* 'без соли', но *vir-ftame* 'без леса, без лесов', *ki-ftame* 'без дороги, без дорог', *mel-ftame* 'без желания'; мокш. лит. *kut-ftama* 'без дома, без домов', *salf-ftama* 'без соли', но *vir-ftama* 'без леса, без лесов', *ki-ftama* 'без дороги, без дорог', *mäl-ftama* 'без желания' и т. д.

Аналогичное явление встречается в говорах наскафтымской мордвы, где под влиянием мягких парных согласных или непарных, которым предшествуют гласные переднего ряда, и согласных *j, J*, все согласные, кроме *z, s, c*, смягчаются: *väl'ä* 'село' — *väl'e-t'* 'сёла'; *kši* 'хлеб' — *kši-t'* 'хлеба'; *pičä* 'сосна' — *piče-t'* 'сосны' (Бибин 1964 : 84, 111).

В современном мокшанском языке и во многих диалектах показатель множественности *-t'* встречается, если конечный звук основы — палатализованный парный согласный или *j*, в неодносложных словах — гласный *i*: *ved'/vid'* 'вода' — *vet'-t'/vit'-t'* 'воды'; *kal'* 'ветла' — *kaL'-t'* 'ветлы'; *śedi/śidi* 'сердце' — *śediJ-t'/śidiJ-t'/śidiš'-t'* 'сердца' (табл. 5—7).

Таблица 5

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
согласный <i>j</i> : <i>l'äj</i> 'река'	<i>l'äj/l'ej</i>	<i>l'äj/l'ej</i>	<i>l'ej</i>	<i>l'äj/l'ej</i>	<i>l'äj</i>	<i>l'äj</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>l'äjJ-t'/l'eJ-t'/l'ä-t'/l'eš'-t'</i> 'реки'	<i>-t'</i> <i>l'äjJ-t'/l'eJ-t'</i>	<i>-t'</i> <i>l'äjJ-t'/l'eJ-t'</i>	<i>-t'</i> <i>l'eš'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>l'äjJ-t'/l'eJ-t'</i>	<i>-t'</i> <i>l'äjJ-t'/l'äJ-t'</i>	<i>-t'</i> <i>l'äjJ-t'</i>

Таблица 6

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
гласный <i>i(i)</i> в неодносложных словах: <i>śedi /śidi</i> 'сердце' <i>šariž</i> 'колесо'	<i>śedi/śidi</i> <i>šariž/žariž</i>	<i>śedi/śidi</i> <i>šariž/žariž</i>	<i>śidi</i> <i>šariž</i>	<i>śedi</i> <i>šariž</i>	<i>śediij</i> <i>šariž</i>	<i>śedi</i> <i>šariž</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>śediJ-t'/śidiJ-t'/śidiš'-t'/śedi-t'/śidi-t</i> 'сердца' <i>šariJ-t'/šariš'-t'</i> 'колеса'	<i>-t'</i> <i>śediJ-t'/śidiJ-t'/śedi-t'/šariJ-t'/šariš'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>śediJ-t'/śidiJ-t'/śedi-t'/šariJ-t'/šariš'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>śidiš'-t'/šariš'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>śediJ-t'/śediš'-t'/šariJ-t'/šariš'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>śediJ-t'/śediij-t'/śedijs'-t'/šariJ-t'/šarijs'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>śediJ-t'/šariJ-t'/šarijs'-t'</i>

Таблица 7

Исход основ	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. ед. ч. неопр. скл.					
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес', <i>mař</i> 'яблоко' <i>joň</i> 'мозг'	<i>viř</i> <i>mař</i> <i>joň/joň</i>	<i>viř</i> <i>mař</i> <i>joň/joň</i>	<i>viř-ə</i> <i>mař</i> <i>joň</i>	<i>viř</i> <i>mař</i> <i>joň/joň</i>	<i>viř</i> <i>mař</i> <i>joň</i>	<i>viř</i> <i>mař</i> <i>joň</i>
им. п. мн. ч. неопр. скл.						
<i>viR'-t'</i> 'леса' <i>maR'-t'/maR'-t</i> 'яблоки' <i>jot'-t'/jot'-t</i> 'мозги'	<i>-t'</i> <i>viR'-t'/viR'-t</i> <i>maR'-t'/maR'-t</i> <i>maR'-t</i> <i>jot'-t'/jot'-t</i>	<i>-t'</i> <i>viR'-t'/viR'-t</i> <i>maR'-t'/maR'-t</i> <i>maR'-t</i> <i>jot'-t'/jot'-t</i>	<i>-t'</i> <i>viR'-t'</i> <i>maR'-t'</i> <i>jot'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>viR'-t'</i> <i>maR'-t'</i> <i>jot'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>viř-t'/viR'-t'</i> <i>mař-t'/maR'-t'</i> <i>joň-t'/jot'-t'</i>	<i>-t'</i> <i>viR'-t'</i> <i>maR'-t'</i> <i>jot'-t'</i>

По данным табл. 6—7, во многих говорах западного диалекта и в говорах атурьевской подгруппы центрального диалекта наблюдается депалатализация аффикса множественного числа *-t'* после гласного *i* (в неодносложных словах) и палатализованных парных согласных. Примеры: *śedi* 'сердце' — зап. *śedi-t*, атр. *śedi-t*, но юго-вост. *śid'iš-t'*, мокш. лит. *śediJ-t'* 'сердца'; *ināzi* 'малина' — зап. *ināzi-t*, атр. *ināzi-t*, но юго-вост. *ināziš-t'*, мокш. лит. *ināziJ-t'* 'малины'; *mar* 'яблоко' — зап. *maR'-t*, атр. *maR'-t*, но юго-вост. *maR'-t'*, мокш. лит. *maR'-t'* 'яблоки'; *joñ* 'мозг; мысль' — зап. *jot-t*, атр. *jot-t*, но юго-вост. *jot'-t'*, мокш. лит. *jot'-t'* 'мозги; мысли'. Данная особенность выявляется и в формах определенного склонения номинатива: зап. *tol-s*, мокш. лит. *tol-ś* 'огонь (этот, тот)'; зап. *kal-s*, мокш. лит. *kal-ś* 'рыба (эта, та)' и т. д. То же в словаре Х. Паасонена (H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch 1990 : LXXXII), где приведены формы из с. Покровские Селищи *vil'ežam*. Это село, по классификации А. П. Феоктистова (1975), относится к западному диалекту. Как отмечает Д. В. Цыганкин (1977 : 6), первоначально, видимо, суффикс множественного числа употреблялся только в одной разновидности — твердой. Впоследствии в связи с особыми фонетическими условиями — влиянием предшествующего конечного мягкого согласного или гласного переднего ряда основы — возникла мягкая разновидность суффикса *-t*, но следы прежнего употребления обнаруживаются в современных говорах.

Суффикс множественного числа неопределенного склонения *-t/-t'* употребляется лишь в номинативе. В остальных падежах противопоставление единичного предмета и раздельного множества предметов формально не проводится. Этим мордовские языки отличаются от других финно-угорских. Для выражения раздельного множества предметов в рамках данного склонения используются формы соответствующих падежей единственного числа, которые, несмотря на отсутствие аффикса множественного числа, в зависимости от контекста могут приобретать значение дистрибутивной множественности: зап. *gož vid'mästa kasĭ gož tožara* 'из хороших семян вырастет хорошая пшеница'.

Формы множественного числа определенного склонения отличаются удивительным единообразием. Они имеют следующую модель: именная основа + маркер множественности *-t/-t'* + морфема определенности *-ñe(ə)/-ne(ə)* + формант падежа (Серебрянников 1967 : 48).

Номинатив определенного склонения множественного числа *-t/-t'* + *-ñe(ə)/-ne(ə)* (восходящий к указательному местоимению **ñä* 'эти'): зап. *kut-t-ne(ə)*, центр. *kut-t-ñe(ə)/kut-t-nə*, юго-вост. *kut-t-ñe*, перех. *kut-t-ne*, мокш. лит. *kut-t-ñe* 'дома (эти, те)'; зап. *viR'-ñe(ə)*, центр. *viR'-ñe(ə)*, юго-вост. *viR'-ñe*, перех. *viR'-ñe*, мокш. лит. *viR'-ñe* 'леса (эти, те)'; зап. *kaL-ne(ə)*, центр. *kaL-ñe(ə)/kaL-nə*, юго-вост. *kaL-ñe*, перех. *kaL-ne*, мокш. лит. *kaL-ñe* 'рыбы (эти, те)'; зап. *sat-t-ne(ə)*, центр. *sat-t-ñe(ə)/sat-t-nə*, юго-вост. *sat-t-ñe*, перех. *sat-t-ne*, мокш. лит. *sat-t-ñe* 'жилы (эти, те)', см. табл. 8 (Материал диалектологических экспедиций 1999—2011 гг.).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в говорах западного, переходного и частично центрального диалектов функционируют варианты *-ñe/-ñə/-ne/-nə* в зависимости от основы множественного числа. Если последняя оканчивается на гласный или палатализованный согласный с предшествующим гласным переднего ряда, морфема определенности реализуется в варианте *-ñe/-ñə*; если же основа имеет

Аффиксы множественного числа определенного склонения

Таблица 8

Исход основы	Аффиксы					
	зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
	им. п. мн. ч. опр. скл.					
гласный, кроме <i>i, i̇</i> в неодносложных словах: <i>vel'ə</i> 'село', <i>paksä</i> 'поле', <i>ki</i> 'дорога'	-t'ñə	-t'ñe(ə)	-t'ñe	-t'ñe	-t'ñe	-t'ñe
<i>i, i̇</i> в неодносложных словах: <i>inəzi</i> 'малина', <i>šari</i> 'колесо'	-J-ñə	-J-ñe(ə)	š-ñe	-J-ñe/ š-ñe	-J-ñe	-J-ñe
согласный: <i>pulf</i> 'сноп', <i>kelaž</i> 'лиса'	-ñə	-ñe(ə)	-ñe	-ñe	-ñe	-ñe
непалатализованные <i>l, r</i> : <i>kal</i> 'рыба', <i>mar</i> 'куча'	-nɛ(ə)	-ñe(ə)/ -nɛ(ə)	-ñe	-nɛ	-nɛ	-ñe
палатализованные <i>l̄, r̄</i> : <i>mäl</i> 'желание', <i>vir</i> 'лес'	-ñe(ə)	-ñe(ə)	-ñe	-ñe	-ñe	-ñe
палатализованные <i>d, t</i> : <i>ved</i> 'вода'	-t'ñe(ə)	-t'ñe(ə)	-t'ñe	-t'ñe	-t'ñe	-t'ñe
непалатализованные <i>d, t</i> : <i>kud</i> 'дом'	-tnɛ(ə)	-t'ñe(ə)/ -tnɛ(ə)	-t'ñe	-tnɛ	-tnɛ	-t'ñe

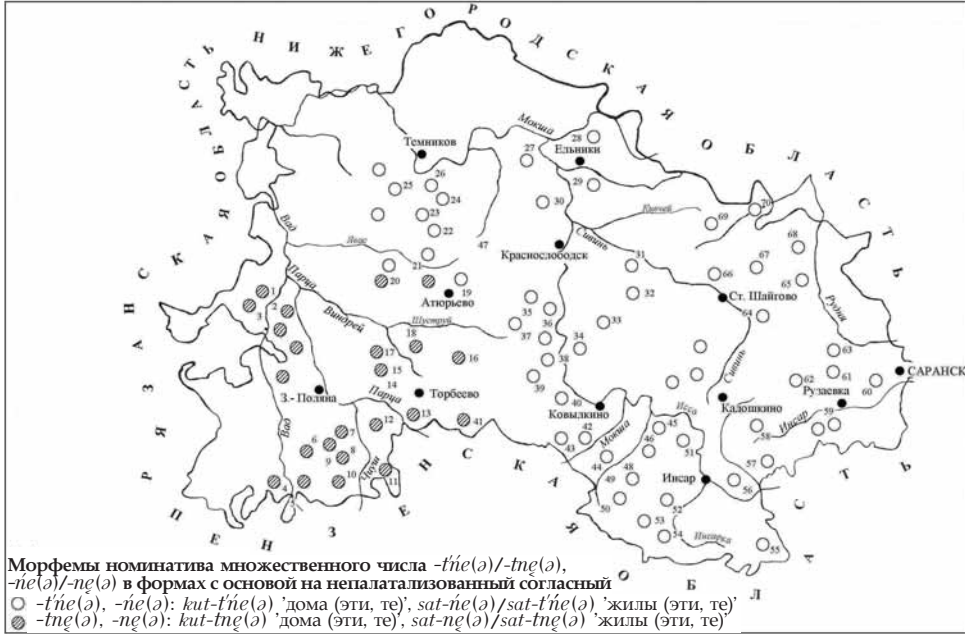
конечный непалатализованный согласный, употребляется *-nɛ/-nə*, см. карту 3.

Следует отметить: в неодносложных существительных с основой на *i, i̇* и *u* морфема множественного числа в определенном склонении агглютинирует к удлинённой основе: *mači* 'гусь' — *mačiJ-ñe(ə)* 'гуся (эти, те)', *inəzi* 'малина' — *inəziJ-ñe(ə)* 'малина (мн. ч.)'; *kelu* 'береза' — *keluf-ñe(ə)* 'березы (эти, те)', *kuču* 'ложка' — *kučuf-ñe(ə)* 'ложки (эти, те)'. Интересно, что в атиурьевской подгруппе говоров центрального диалекта формы множественного числа определенного склонения от основ на *i, i̇* и *u* могут образоваться при помощи *t-ñe(ə)* без удлинения основы: *mači* 'гусь' — *mači-t-ñe(ə)* 'гуся (эти, те)', *inəzi* 'малина' — *inəzi-t-ñe(ə)* 'малина (мн. ч.)'; *kelu* 'береза' — *kelu-t-ñe(ə)* 'березы (эти, те)'.

При образовании множественного числа в мокшанском языке сравнительно редко встречается неизменяемость основы, которую вызывают прежде всего фонетические процессы.

1. Переход конечных звонких согласных перед *-t/-t'* в глухие: *ved* 'вода' — *vet-t* 'воды' — *vet-t-ñe(ə)* 'воды (эти, те)'; *vaz* 'теленка' — *vas-t* 'телята'; *kev/kiv/käv* 'камень' — *kef-t/kif-t/käf-t* 'камни'.

2. Переход конечных звонких согласных *l, l̄, r, r̄, j* перед *-t/-t'* в глухие *L, L̄-, R, R̄, J*, которые встречаются только в мокшанском языке: *kal* 'рыба' — *kaL-t* 'рыбы'; *mäl* 'желание' — *mäl-t/meL-t* 'желания'; *mar* 'куча' — *maR-t* 'кучи'; *mar* 'яблоко' — *maR-t* 'яблоки'; *läj* 'река' — *läj-t/leJ-t/läš-t* 'реки'; в говорах юго-восточного и частично переходного типа перед суффиксом множественного числа согласный основы *j* переходит в *š*: *lej* 'река' — *läš-t* 'реки', *inəzi* 'малина' — *inəziš-t* 'малины', *šedi* 'сердце' — *šediš-t* 'сердца'. В некоторых смешанных го-

Карта 3. Территориальное распространение маркера множественного числа определённого склонения $-t'ne(ə)/-ne(ə)/-tne(ə)/-ne(ə)$ (Левина 2018 : 25).

ворах перед суффиксом множественности конечный согласный основы не оглушается, как и в эрзянском языке: кирт. $umar-t'$, мокш. лит. $mar-t'$, эрз. $umar-t'$, 'яблоки'; кирт. $sur-t$, мокш. лит. $sur-t$, эрз. $sur-t$ 'пальцы'; кирт. $kal-t$, мокш. лит. $kaL-t$, эрз. $kal-t$, 'рыбы'; кирт. $lem-t$, мокш. лит. $lep-t$, эрз. $lem-t$, 'имена' и т. д. В рассматриваемом ареале перед суффиксом множественного числа глухой J произносится со свистящим оттенком: кирт. $inǎz'ij^s-t'$, мокш. лит. $inǎziJ-t'$ 'малины'; кирт. $kǎrtafej^s-t'/kǎrtaj^s-t'$, мокш. лит. $modamaR-t'$ 'картофель (мн. ч.)'.

3. Переход носового губно-губного $-m$ в $-p$, носового переднеязычного $-n$, n' — в $-t/-t'$ (подвергается полной ассимиляции): $lomañ$ 'человек' — $lomat-t'$ 'люди' — $lomat-t'-ne(ə)$ 'люди (эти, те)', $pižəm$ 'дождь' — $pižəp-t'$ 'дожди' — $pižəp-t'-ne(ə)$ < $pižəp-t'-ne(ə)$ 'дожди (эти, те)'.

4. Выпадение конечного гласного основы, сочетающегося с предшествующими согласными d , d' , t , t' , g , k . Явление охватывает многие говоры: $ofta/oftə$ — зап. $oft-t$, $oft-t-ne(ə)$, центр. $oft-t$, $oft-t'-ne(ə)/oft-t-ne(ə)$, юго-вост. $oft-t$, $oft-t'-ne(ə)$, мокш. лит. $oft-t$ < $oft-ə-t$ 'медведи', $oft-t'-ne(ə)$ 'медведи (эти, те)'; $šufta/šuftə$ 'дерево' — зап. $šuft-t$, $šuft-t-ne$, центр. $šuft-t$, $šuft-t'-ne(ə)$, $šuft-t-ne$, юго-вост. $šuft-t$, $šuft-t'-ne$, мокш. лит. $šuft-t$ < $šuftə-t$ 'деревья', $šuft-t'-ne$ 'деревья (эти, те)'; $ärke/ärkə$ 'озеро' — зап. $ärk-t/eRk-t$, центр. $ärk-t/eRk-t$, юго-вост. $jeRk-t$, мокш. лит. $ärk-t$ < $ärkə-t$ 'озера'; $päšte/päštə$ 'орех' — зап. $päšt-t'/pešt-t'$, центр. $päšt-t'/pešt-t'$, юго-вост. $pešt-t'$, мокш. лит. $päšt-t'$ < $päštə-t$ 'орехи'; $panda/pandə$ 'гора' — зап. $pant-t$, центр. $pant-t$, юго-вост. $pant-t$, мокш. лит. $pant-t$ < $pandə-t$ 'горы'; $ov/ovə$ 'зять' — зап. $ovə-t$, $ovə-t'-ne$, центр. $ovə-t$, $ovə-t'-ne(ə)$, юго-вост. $of-t$, $of-ne$, мокш. лит. $of-t$ < $ovə-t$ 'зятья', $of-ne$ < $ovə-t'-ne$ 'зятья (эти, те)'. Причиной выпадения гласного служит его положение в позиции между двумя глухими согласными, которые как бы проглатывают звучание

гласного. Однако в некоторых мокшанских говорах центрального диалекта и смешанного типа, как и в эрзянском языке, обнаруживаются случаи, когда гласный на морфемном шве перед показателем множественного числа сохраняется: зап. *ovə-t*, центр. *ovə-t*, мокш. лит. *of-t* < *ovə-t* 'зятья'; кирт. *oftə-t*, мокш. лит. *oft-t*, эрз. *ovto-t*, 'медведи'; кирт. *šuftə-t*, эрз. *čuvto-t*, мокш. лит. *šuft-t* 'деревья'; кирт. *ärkə-t*, эрз. *erke-t*, мокш. лит. *ärk-t* 'озёра'; кирт. *päštə-t*, эрз. *pešte-t*, мокш. лит. *päšt-t* 'орехи'; кирт. *pandə-t*, эрз. *pando-t*, мокш. лит. *pant-t* 'горы'.

5. В определенном склонении аффикс *-t'ne(ə)/-tnę(ə)* агглютинирует, если основа оканчивается: на гласные *-a*, *-ä/-e*, (*-i* в односложных словах); на гласные *-e/-ə*, *-a*, сочетающиеся с предшествующими согласными *d*, *d'*, *t*, *t'*, *g*, *k*; на согласные *-d*, *-d'*, *-t*, *-t'*; *-n*, *-ń*, в остальных случаях функционирует суффикс множественного числа *-ne(ə)/-nę(ə)*. Примеры: *ava* 'женщина; мать' — *ava-t'ne(ə)* 'женщины (эти, те); матери (эти, те)', *atä/at'e* 'старик', — *atä-t'ne(ə)/at'e-t'ne(ə)* 'старики (эти, те)', *kši* 'хлеб', — *kši-t'ne(ə)* 'хлеба (эти, те)', *ofta/oftə* 'медведь' — *oft-t'ne(ə)* 'медведи (эти, те)', *ved'* 'вода' — *vet-t'ne(ə)* 'воды (эти, те)', *lomań* 'человек' — *lomat-t'ne(ə)* 'люди', но *vir'* 'лес' — *vir'-ne(ə)* 'леса (эти, те)'.

Отдельные существительные, как и в мордовских литературных языках, в диалектах употребляются только во множественном числе. Они, обозначают предметы, состоящие из нескольких частей, но выражающие одно понятие, или же неделимые газообразные или жидкие вещества, например, *vasəńbejəL't'* 'ножницы', *ponkst* 'портки'. Отметим, что многие существительные в русском языке, имеющие лишь форму единственного или множественного числа, в мокшанских диалектах функционируют как в единственном, так и во множественном числе: *sal* 'соль' — *saL-t* (мн. ч.), *počf* 'мука' — *počf-t* (мн. ч.), *lapša/lakša* (юго-вост.) 'лапша' — *lapša-t/lakša-t* (мн. ч.) (юго-вост.) и т. д.

При выражении именной количественности особое место занимают собирательные слова, указывающие на совокупность, целостность, неразделимость множественности. Например, основой для репрезентативной множественности могут служить топонимы, микротопонимы: центр. *oćadufńä i at'əR'ńä tu'řst' fke-fken maRtə* 'жители сел Атюрьево и Новочадово дрались между собой'. Здесь подчеркивается групповая множественность лиц, проживающих в указанном населенном пункте; может выступать совокупная множественность во главе с человеком, имя которого называется: *purəmkəsu sašt' šumbasəft, kelaškitt i ivanoft* 'на собрании присутствовали только Шумбасовы, Келаськины и Ивановы'.

Приведенный материал позволяет утверждать, что в мокшанских диалектах неравномерно употребление маркеров множественного числа как неопределенного, так и определенного склонений, а также замена одних аффиксов множественности другими.

Address

Mariya Levina
Ogarev Mordovia State University
E-mail: Lev.Mariya@mail.ru

Сокращения

ед. ч. — единственное число; **им. п.** — именительный падеж; **мн. ч.** — множественное число; **неопр. скл.** — неопределенное склонение; **опр. скл.** — определенное склонение.

Диалекты и говоры мокшанского языка: **атр.** — говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта; **зап.** — западный диалект; **кирт.** — говор с Киртели Тетюшского района Республики Татарстан; **перех.** — переходный диалект; **смешан.** — смешанный диалект; **темн.-гр.** — говор темниковско-атюрьевской подгруппы центрального диалекта; **центр.** — центральный диалект; **шайг.** — шайговский говор центрального диалекта; **юго-вост.** — юго-восточный диалект.

Населенные пункты на картах: 1. Подлясово Zubово-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Zubово-Полянского района; 3. Промзино Zubово-Полянского района; 4. Старое Бадиково Zubово-Полянского района; 5. Новое Бадиково Zubово-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Zubово-Полянского района; 7. Зарубкино Zubово-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Потьма Zubово-Полянского района; 9. Булдыгино Zubово-Полянского района; 10. Пичпанда Zubово-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Zubово-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжеляй Торбеевского района; 18. Старая Пичеморта Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цыбаево Темниковского района; 25. Лесное Цыбаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пашаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пиченгуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Парापино Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трускляй Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарь Рузаевского района; 62. Мордовская Пишля Рузаевского района; 63. Перхляй Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдяй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулдым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибин М. Т. 1964, Говоры наскафтымской мордвы. — Ученые записки. Мордовская филология, № 43, Саранск, 19—158.
- Бубрих Д. В. 1975, Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках. — Г. М. Керт, Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890—1949. Очерк жизни и деятельности, Ленинград, 61—102.
- Левина М. З. 2008, Мокшень корхтаматнен лингвогеографиянь ширде ваномасна, Саранск.

М. З. Левина

- — 2015, Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования). — ВЯ, № 5, 104—119.
- — 2018, Особенности падежного маркирования в определенном склонении западного диалекта мокшанского языка (лингвогеографический аспект). — LU LIV, 16—30.
- Серебренников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Феоктистов А. П. 1975, Мордовские языки. — Основы финно-угорского языкознания. Т. II. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва, 248—343.
- Цыганкин Д. В. 1977, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка, Саранск.
- — 2000, Мордовские языки глазами ученого-лингвиста, Саранск.
- H. Paasonen Mordwinisches Wörterbuch I. A—J. Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla, Helsinki 1990 (LSFU XXIII).

MARIA LEVINA (Saransk)

**MOKŠA MURRETE NOOMENI MITMUSETUNNUSTE
KEELEGEOGRAAFILINE KIRJELDUS**

Artiklis analüüsitakse mokša mitmuse tunnuseid *-l/-l'* (määramata deklinatsioon) ja *-tšie/-tšə* (määratud deklinatsioon). Erinevusi on nii murdeti kui ka mokša kirjakeelega võrreldes. Tunnuse eri kujude kasutamine sõltub tüve lõpphäälikust.